

ДОБРАЯ ВЕСНА

ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ

НОЧЬ ПОЭЗИИ

В ГОРИСТЫХ джунглях Вьетнама растет дерево вухуонг — «далекий аромат». Старики говорят, что оно зацветает раз в 5—10 лет и таинственное благоухание его разливается в воздухе на сотни километров. Ночь, когда раскрываются влажные восковые цветы вухуонга, — сокровенный праздник леса. Отовсюду слетаются тучи крылатых лакомок: бабочки, похожие на летучих мышей, и стрекозы, искусно мимикрирующие под бабочек, пчелы-мясоеды и крохотные птички-нектарницы.

Словно у гигантской лампы, мечутся они вокруг дерева, привлекая со всей округи змей, ящериц и голосистых лягушек. Даже слоны и тигры приходят на этот ночной пир, озаряемый колдовским мерцанием светляков.

В эту весну, первую весну мира, сладкий аромат цветения явственно ощущался везде: в горах и на побережье, на дорогах, задымленных красной пылью, даже в международном аэропорту. Не знаю, зацвел ли это легендарный вухуонг или просто миллионы самых разных цветов смешали дыхание воедино, но душная горьковатая сладость надолго утвердила свое, как писалось раньше, благообразие.

— Я рад, что дожил до этой весны, — сказал старый крестьянин

янин Чыонг Шам Фунг, вместе с которым мы ждали паром у реки Лам. — Впервые за сто с лишним лет на нашей земле нет интервентов. Каждая травинка радуется. Смотрите, какой будет рис!

Сейчас в деревнях ДРВ проходят собрания сельскохозяйственных кооперативов. Крестьяне сами решают, как перераспределить землю под технические и продовольственные культуры, что и где в первую очередь построить. В Виньлине, например, после всестороннего обсуждения решено было прежде всего привести в порядок рисовые плантации, а плодородные красные земли пустить под перец, который полностью окупит себя уже на другой год. Потом можно будет восстановить животноводство, вновь засадить сожженные напалмом леса, наладить водоснабжение горных склонов, где растет дающая каучук гевея.

— Это не изолированные задачи, — пояснил заведующий отделом пропаганды и воспитания при парткоме Нгуен Минь. — Нельзя восстановить сельское хозяйство и морское рыболовство без общей нормализации жизни. Люди выходят из землянок на дневной свет. Нужно строить для них дома — пусть временные сначала, школы, налаживать снабжение, обеспечить бесперебойную подачу электроэнергии. Но самое главное на сегодняшний день — это транспорт. Поэтому мы принялись сначала за восстановление дорог и переправ. По нашим подсчетам, жизнь в Виньлине войдет в нормальную колею к 1975 году. Мы уже готовимся встретить свои семьи из эвакуации и понемногу собираем в путь беженцев с Юга. В лихую годи-

ну отдали мы нашим братьям свои дома. Теперь настало время дать им все необходимое для жизни на родных землях. И прежде всего — те же дома. Мы уже заготавливаем для них бамбук и рисовую солому, плетем циновки. А потом начнем строить временки для своих семей. О кирпичных домах под черепичной крышей лучше мечтать в бамбуковых стенах, крытых соломой, чем в сырых траншеях и скальных пещерах.

Товарищу Миню скоро шестьдесят. Он много лет был партизаном. Потерял всех своих близких. Дома, в которых ему довелось жить, трижды превращались в пепел. Он откапывал засыпанных взрывом друзей; и его самого, ослепленного и оглохшего, тоже вытаскивали из развалин. Он привык все начинать сначала.

— Я здесь уже 20 лет. — Он улыбнулся и махнул рукой в сторону потонувших в ночи лесистых склонов. Тихий голос его был едва слышен сквозь шумовую завесу цикад, заглушавших даже стук движка, исправно дающего свет до десяти вечера. — И давно полюбил эту не очень-то щедрую землю. Тут все дается с трудом. Ведь кругом горы, пески. Под рис используется лишь семь процентов территории. Да что там рис! Даже батат, маниоку и овощи здесь куда труднее вырастить, чем в других провинциях. Недавно раньше это был самый отсталый район. Горцы ванкьеу еще лет двадцать назад ходили в одних набедренных повязках из тапы. Но уже на третий год народной власти мы сумели собрать здесь два урожая риса. Мы научились накапливать воду горных ручьев и

Е. И. Парнов (род. в 1935 году) — известный советский писатель, автор многих научно-фантастических и историко-приключенческих произведений. В 1973 году он посетил Вьетнам в составе делегации Союза писателей СССР.

сберечь ее на случай засухи, построили чайную фабрику, современные электростанции, лесопильный и мукомольный заводы. Дамбу, которая протянулась от речного устья до моста на дороге № 1, строили все — от мала до велика... Теперь это надо приводить в порядок. И, конечно же, мы быстро управимся. Без бомбежек, без артиллерии из-за реки Бенхай. Слышите, какая тишина?

Этот непроглядный, как всегда в тропиках, вечер у пограничной реки Бенхай, проведенный над планом города Хоса, которому предстоит восстать из пепла, напомнил мне «Ночь поэзии» на развалинах цементного завода в Хайфоне. Так же вот неистовствовали цикады, мелкая летучая братия неслась на электрический свет, и цветочная сладость струилась в горячем и влажном воздухе. Но необозримая площадь, образовавшаяся на месте цехов и исплинских печей обжига была заполнена молодежью. Люди стояли или сидели прямо на земле. В скрепленные прожекторы, как ликующей костер победы, алела трибуна, с которой нарумяненная актриса в праздничном национальном платье декламировала под рокот однострунного дая стихи. Актрису сменил Доан Зиой — знаменитый поэт и старый партизан. Шурясь, словно стараясь разглядеть в притихшей толпе друзей, он прочел знакомую всем вьетнамцам «Песнь о рубашке» и, отчаянно отмахиваясь от благодарного цоканья и аплодисментов, вытасил на трибуну мальчика — самого юного стихотворца на этом удивительном фестивале поэтов. Свои стихи читали рабочие парни с цементного и маститые поэты, партийные работники и члены правительства. Певцы столичных ансамблей и самодеятельных коллективов пели под звон народных инструментов песни о победе, о лесах и горах родной страны, о мирном труде под праздничным весенним небом ее. Вокруг, подобно стенам римского Колизея, зияли черные провалы стен, ажурно высвечивались из тьмы опоры несуществующих трубопроводов, пролеты кранбалок. Цементный завод — колыбель рабочего класса Вьетнама — окружал эту радостную ликующую площадь сквозным контуром, неотвязным и беспокойным. Завода не было, и все-таки он существовал в

человеческой памяти, в планах и неотложных заботах людей. Эти люди — вечно живое сердце его, казалось, дышали в ту ночь стихами. Собственно, так оно и было. Но стихи, которые улетали во тьму с кумачовой, засыпанной цветами трибуны, вобрали в себя нечто большее, чем просто радость победы и счастье мира. Утром эти юноши и девушки будут расчищать завалы, сваривать стальные конструкции, заливать арматуру бетоном. Но для них этот повседневный труд будет подобен удивительному переходу к новой прекрасной реальности, которую пока трудно и вообразить во всех деталях. Проблески ее можно лишь интуитивно почувствовать в стихотворных мелодиях и песенных ритмах. Это великолепно и удивительно, когда народ начинает свой созидательный труд с поэзии, ибо искусство в подобный миг подобно разведке грядущего.

— Завод есть! Вот он! — сказал Доан Зиой, победно огладив седеющую бородку. — Здесь его рабочие, его строители, его инженеры. — Он протянул руки к границам яркого светового круга. — Нужно лишь возвести стены. Они это быстро сделают. Вот увидишь!

В Намдине — третьем по величине промышленном городе ДРВ — я увидел, как возводятся эти стены. Намдинский текстильный комбинат не прекращал работу в самые тяжелые дни. Импровизированные цеха были собраны из жестяных листов, из циновки на бамбуковом каркасе, крышей им зачастую служил просто кусок натянутого брезента. Рядом с искореженными фермами перекрытий и разбитыми железобетонными балками продолжали стучать прядильные станки. И по сей день в таких временных помещениях осуществляется почти полный производственный цикл: от выработки основы до окраски и сушки готовой продукции. А параллельно идет другая работа: расчистка завалов, ремонт коммуникаций, восстановление энергооборудования. Всего за три послевоенных месяца на комбинате сумели пустить почти 50 процентов основных производственных узлов. К 1974 году предполагается полностью восстановить предприятие и достичь по выпуску продукции довоенного уровня.

— Мы потому сумели сделать так много за столь корот-

кое время, — сказал старейший работник комбината Лам Куанг Шам, — что не были одиноки. Мы постоянно ощущали поддержку братских социалистических стран. Особенно помогли нам московские текстильщики, с которыми у нашего комбината давняя дружба. Эти временные цеха, конечно, не очень-то красивы, но для нас и это большое достижение, потому что совсем недавно все наше производство было рассредоточено по соседним улицам и даже окрестным деревням. Но все равно комбинат работал. Раз люди есть, значит, и завод есть.

Одна и та же главная мысль, высказанная и рабочим, и поэтом, и партийным работником...

— Я с удивлением замечаю, — поделился со мной своим раздумьями известный романист и директор управления культуры Тью Ван, — что мир требует постоянного мужества. Это всеобщий героизм, ставший буднями. У нас в Намдине главная проблема — это жилье. До перестройки города по новому генеральному плану мы должны обеспечить людей крышей над головой. Без помощи сельских кооперативов с этой задачей было бы не совладать. Наши кооперативы сравнительно быстро привели в порядок свое хозяйство: выровняли поля, отремонтировали ирригационную сеть, засыпали ямы и выбоины на дорогах. Теперь они всю помогают городу. Каждый кооператив считает для себя честью принять участие в восстановлении Намдиня — гордости нашей многовековой истории.

По всем дорогам, ведущим в Намдинь, тянутся возы и арбы с бамбуком и кирпичом, велосипеды, навьюченные корзинами рисовой соломы. На городских окраинах уже построены десятки тысяч новых домов, на стенах которых крестьяне с гордостью писали названия своих кооперативов. Это напомнило мне героическую эпопею восстановления Ташкента после землетрясения, когда на свежоштукатуренных стенах строительные бригады писали названия разных городов нашей необъятной страны.

Конечно, масштабы восстановительных работ в Намдине несколько иные, и большая часть сооружаемых здесь домов — временные, но главное опять-таки в людях, в их отношении к труду, массовом героизме. Не

удивительно поэтому, что даже времянки нередко выглядят как постоянные жилища.

В городе уже работают все школы. Когда в школе Фунг-Тьи-Киен огромный барабан возвестил своим утробным урчанием об окончании урока и ребята с криком выскочили на перемену, пожилые женщины с черными от бетеля зубами все так же методично и споро продолжали разбирать гибкие бамбуковые стволы. Школа работает, но строительство ее не закончено, и шефы из кооператива с побережья буквально днюют и ночуют на школьном дворе.

Молодой директор Бу Динь Фонг пояснил:

— Они хотят поскорее дать детишкам новое просторное помещение. Да и домой торопятся. Земля! Она ежедневного труда требует, хозяйского глаза. Теперь, когда пустили электростанцию, они по ночам пытаются работать. Приходится выключать свет. Хорошо, что мы с женой — она тоже учительница — прямо тут, в школе, живем. А так кто бы заставил их отдыхать? Пожилые же люди как-никак... Но рассуждают они правильно. Раньше, говорят, здесь была большая двухэтажная школа, такую и надо строить. Хватит того, что ребяташки во времянках живут. Учение — большой праздник. Так пусть у них будет для этого подходящее помещение.

В каждой стране свои приметы времени, свои традиции. Учебный год во Вьетнаме начинается, когда созревают вкусные маслянистые плоды на дереве бан, которые особенно лакомы в короткие минуты переменок: от барабана до барабана. Это типичное «школьное» дерево обильно цвело и во дворе Фунг-Тьи-Киен, обещая веселую щедрую осень. А в углу двора, у самой бамбуковой изгороди, уже распустились алые огневки — верная примета близких экзаменов.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Недавнее прошлое, как на грампластинке, записало свой грозный голос на дорогах страны. Мелкие выбоины асфальта, красные воронки бесчисленных объездов, отпечатанный стальными гусеницами гофрированный профиль и засыпанные гра-

вием ямы — все эти специфические особенности рельефа по-настоящему воспроизводил наш многострадальный «газик». Особенно трудно ему и, естественно, его пассажирам давались переправы. Иные речушки мы брали с ходу, вброд, грохоча по утопленной булыжной дамбе, другие преодолевали медленно и осторожно, по шаткому настилу без опор и оград. Встречались pontонные переправы, когда под колесами отчаянно тряслись незакрепленные стальные листы, а в открытых люках гремели потревоженные крабы. Но на протяжении всего 600-километрового пути от Ханоя к реке Бенхай и далее в освобожденные районы Южного Вьетнама можно было увидеть ремонтные бригады: молодежь из близлежащих деревень и отдаленных горных районов. Юноши и девушки ремонтировали мосты, сваривали новые фермы, засыпали ямы, местами вручную, как прихотливую мозаику, укладывали камешек к камешку гравий.

Трудно окинуть единым взглядом все это титаническое действие, растянутое от Ханоя до Хоса, до Намдиня, Хоабиня, Хайфона. Лишь как на иллюстрацию, как на своего рода моментальный снимок, можно сослаться на крохотный личный опыт. Дело в том, что путь из Ханоя на юг показался нам куда труднее, чем дорога назад. Казалось бы, что могло существенно измениться на знаменитой этой дороге № 1 за какую-нибудь неделю? Невольно думалось о силе привычки, о тяжести первопутка. Но, к счастью, были объективные показатели, которые свидетельствовали совсем о другом. Средняя скорость движения на обратном пути возросла с 25 до 40 километров в час, уменьшилось число объездов, сократились простои у переправ. Ожила однопутная железная дорога на участке Ханой — Винь, на двух железнодорожных мостах появились плакаты: «Сдадим к Первомаю!» И все это — осязаемые плоды вдохновенного неумолимого труда ремонтников. Мы ощутили их всем своим существом в прямом смысле этого слова, когда заметили вдруг, что наш «газик» уже не так часто подкакивает на бороздах, проведенных жестоким резцом войны.

Узкий стремительный серпантин, на котором каждая встречная машина — новая проблема, с каждым новым витком все вы-

ше возносит нас над овалом бухты с ее тысячами острых причудливых скал, над горячей и вязкой трясинной мангров. По ту сторону хребта осталась электростанция в Унгби, причалы и краны Хунгоя, разбитая пагода, у которой, под священным деревом дай с желто-белыми горько пахнущими цветами, сам собой возник крохотный пестрый базарчик. Дорога на Хату идет сквозь джунгли, и только бамбуковые столбы, гнувшиеся под тяжестью энергокабеля, напоминают о присутствии человека. И еще, конечно, встречные «КРАЗЫ», груженные породой и ослепительно сверкающим на солнце антрацитом.

Хату — геологическое чудо Вьетнама. Угольный пласт залегает здесь по всему хребту, и антрацит добывают открытым способом начиная с самой вершины. Высокогорные разработки являют собой картину суровую и величавую. Где-то на самом дне циклопической горной чаши затерялись банановые садики и дома разработчиков, вдоль узкой ртутно сверкающей змейки ручья высятся холмы песка и щебня, черные терриконы подготовленного к отправке угля. По сравнению со ступенчатым амфитеатром горной твердыни все это кажется кукольным, почти нереальным, словно в котловане спряталась от мира крохотная страна лилипутов, а 20-метровые рукотворные ступени лестницей уходящего вниз амфитеатра предназначены для неведомых исполнителей. Даже дым и грохот взрыва, в котором рождается очередная ступень, не могут развеять эту удивительную горную иллюзию.

Могучий комбайн неумолимо трудится над скальным грунтом. Образующийся после проходки шурф похож на уходящую вниз трубу, обсыпанную не то мукой, не то цементом. Скользя по невидимой линии, комбайн закладывает шурф за шурфом. Потом в них заложат аммонал, и кусок скалы толщиной в 20 метров отколется от обрыва, обнажив черную матовую поверхность угля. Не успеет осесть пыль взрыва, как в эту антрацитовую стену вгрызутся стальные зубья экскаваторного ковша, оставляющие за собой длинные, словно от гребня, полосы.

Хату — это как бы перевернутая шахта, где добытый

уголь дается не на-гора, а, напротив, стремительно летит с горы вниз, на погрузочный двор. Разработки здесь электрифицированы, и весь процесс добычи почти полностью механизирован. Для нас это уникальное предприятие было особенно интересно еще и тем, что оно одним из первых в стране достигло довоенного уровня.

Я разговорился с молодым инженером, сравнительно недавно закончившим Ханойский политехнический институт. Он начал работать в Хату в 1969 году, уже через год его сделали старшим инженером, а недавно — заместителем директора всего предприятия. Зовут его Зыонг Мак.

— Как и все в стране, мы переживаем сейчас восстановительные трудности. — Зыонг Мак достал из ящика план участка и кальку с разрезом месторождения. — Но самое тяжелое уже позади. С середины февраля мы работаем в привычном режиме и даже перевыполнили квартальный план. Конечно же, и нам пришлось начинать, как говорится, с нуля. Заготавливать материал в джунглях, строить временные дома. Все мы делали сами: и уголь добывали, и жилища собирали. Да и не только это... Лучшие кадры пришлось послать в Лангшин на железную дорогу. Конечно, мы не только соседям помогли, но и о себе позаботились. Как только дорога заработала и можно было завезти на электростанцию уголь, мы стали бесперебойно получать ток. А для нас это все! Тем более что в октябре прошлого года устаревшие машины заменили могучими советскими комбайнами. Без этого нам бы еще долго пришлось подниматься. Зато теперь руки у нас развязаны. Клуб вот ремонтируем, пять «ЗИЛов» послали за своими людьми. Пора возвращать их из эвакуации. Рабочие заждались жен и детей.

— Вам есть чем их встретить, не на голое место едут?

— Да. Мы и школу уже открыли, и детский сад, кое-что посадили, кур развели...

У Мака четверо детей. Жена его учителем в новой школе, что недавно открылась напротив шахтоуправления. Они сами, всей семьей, выстроили себе домик, укоренили банановые пальмы, посадили горох и батат.

— Какая теперь у вас первоочередная задача? — спросил я его.

— Создать современное производство. Нам предстоит ликвидировать диспропорцию между объемами добычи и проходки, провести дальнейшую геологическую разведку, наладить транспорт. Одним словом, сделать Хату перспективным, полностью механизированным предприятием. Наш антрацит почти не содержит серы, и его очень охотно покупают другие страны. Малайзия, например, берет только наш уголь. В марте мы наконец достигли прежнего уровня по проходке. Как только наладим транспорт, дадим большой уголь. Перекроем все прежние нормы. Перспективы у нас очень хорошие. Наши люди и ваши машины творят чудеса.

На верхней отметке, где над отвесной стеной антрацита только небо и зеленые джунгли соседней вершины, я познакомился с начальником смены Нгуоком Ван Ле.

— Быстро вы освоили сложный агрегат?

— Да. Быстро. — Мы стояли рядом, но визг буров заглушал голоса. Раскаленная пыль покрывала кожу, как искры с точильного круга. — Сперва было трудно. Советские специалисты работали с нами первые три месяца. С начала этого года, можно сказать, дело пошло. Даем теперь 80 кубов за смену.

Глядя на этого человека, уверенно ведущего большой и сложный агрегат, никогда не скажешь, что он не получил специального образования. Но это так. Нгуок Ван Ле — крестьянин, он родился и вырос в деревне, лишь в 1963 году приехал в Хату. Учился прямо на рабочем месте. Сначала работал с ручным перфоратором, потом осваивал старую французскую машину, теперь вот командует современным комбайном.

— Я очень люблю машины. — Он смущенно пожал плечами. — Всякие. На шофера как-то само собой выучился, локомотив могу водить... В зенитном пулемете я тоже сразу разобрался. У нас тут своя самооборона была, прямо на рабочем месте.

— Вы здесь с семьей?

— Один. Живу в общежитии.

— Ждете из эвакуации?

— Нет. — Он засмеялся. —

Сам в отпуск собираюсь. Насколько у меня к машинам тяга, настолько жена ни на шаг от земли. Никуда из деревни. Самая настоящая крестьянка.

Наш «газик» проделал по дорогам Вьетнама три с лишним тысячи километров. Мы побывали на самом юге и в северных районах страны, в джунглях и на морском побережье. И везде встречали людей, занятых созидательным мирным трудом, бережно и осмотрительно восстанавливающих свое большое хозяйство.

Мне запомнилась еще одна встреча у контрольно-пропускного пункта, за которым была понтонная переправа и красно-синий флаг молодой Республики Южный Вьетнам на другом берегу. Вместе с нами готовилась перейти в освобожденные районы старая женщина в традиционном красно-коричневом наряде. Другие женщины везли с собой нехитрый домашний скарб, бамбуковые жерди, циновки, клетки с птицей и поросятами — все, чем снабдили их для первоначального обустройства братья на Севере. У этой женщины в корзинах на бамбуковом коромысле лежали лишь несколько клубней батата и маниока да три-четыре пучка рисовой рассады.

— У вас там дом? Близкие? — спросил я.

— Ничего у меня не осталось, — покачала она головой, не отрывая напряженного взгляда от того берега. — Ничего, кроме родины. Я жила сразу за рекой, в деревне Суан-Хоа.

Суан-Хоа по-вьетнамски означает «добрая весна». Это название показалось мне символическим. Добрая мирная весна пришла на героическую землю Вьетнама. Я думал об этом в пути и во время первомайского парада, состоявшегося впервые за девять лет. Я вспомнил о той женщине и ее деревне «Добрая весна», в которой мне посчастливилось потом побывать, любясь невиданным по красоте праздничным фейерверком. Я вспоминал о них в ночных джунглях, где мигали, как самолеты, идущие на посадку, первые светляки и сладкой пряностью дышали невидимые ночные цветы. Тогда мне казалось, что дерево вухуонг все же зацвело.

Ханой — Москва

मथुरा रिफाइनरी का शिलान्यास
भारत की प्रधान मन्त्री श्रीमती इन्दिरा गांधी
कर कमलों द्वारा दिनांक २ अक्टूबर, १९७३
को सम्पन्न हुआ।

میٹھرا ریفاائنری کا سنگ بنیاد
شری متی اندرا گاندھی وزیراعظم ہند نے
۲ اکتوبر ۱۹۷۳
اپنے دست مبارک سے رکھا

Делийские школьницы на
параде в День Республики.

Фото В. Соболева (ТАСС)

Индия — великое миролюбивое государство — укрепляет связи с народами Азии и Африки, активно участвует во всемирном антивоенном движении.

На снимке:

Делегаты Индии и Кении на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве.

Фото В. Кошевого (ТАСС)

Премьер-министр Индии Индира Ганди на церемонии закладки первого камня будущего промышленного гиганта — нефтеперерабатывающего комбината близ города Матхура.

Фото А. Шальнева
и А. Полянского (ТАСС)